

2

Разберем несколько примеров тех художественно правдивых описаний прежде всего внутри летописного «документального» стиля, которые обычно именуются исследователями «реалистическими», конечно не в том смысле, в каком мы называем этим термином описания Тургенева, Гончарова и других писателей-реалистов XIX в.

Идеалистическая философия истории, учившая, что события жизни целых стран, народов и отдельных людей определяются «божиим предначертанием», не могла, однако, заставить полностью отказаться от попыток объяснить эти события и ближайшими причинами, найти виновников постигших страну бедствий или героев, защитивших ее, вникнуть в ход политической и классовой борьбы. Сама жизнь не позволяла покориться «воле» божества, как единственной движущей силе событий, звала на борьбу с исполнителями этой воли: с врагами, хотя бы и посланными богом на Русскую землю в наказание за грехи ее князей или народа, и с соседом-феодалом, хотя бы и действовавшим «по наущению сотоны», при попустительстве наказывающего божества. Всеобъемлющее объяснение всех событий государственной и личной жизни вмешательством божества не помогало активной борьбе, поэтому уже в старшем периоде историческое повествование выдвигает перед собой задачу в особо значительные исторические моменты раскрыть современникам и воспроизвести в назидание потомкам реальный ход событий, насколько, разумеется, это было доступно сознанию той эпохи, внушить читателям оценки, которые руководили бы их действиями в направлении, соответствующем идейной позиции автора.

Напомним, что летописцы, под пером которых слагался своеобразный исторический стиль, уже в XI в. обнаружили достаточно скептическое отношение к возможности объяснить все «нестроения» жизни одним вмешательством «сотоны», «беса», «дьявола». Уже под 1015 г., описывая первое феодальное преступление — убийство князя Бориса слугами Святополка, летописец хотя и называет их «слугами беса» («отъц же их сотона»), который «на зълое всегда ловит» человека, однако тут же добавляет: «Зъл же человек, тьшася на зълое, хужь есть беса: беси бо бога бояться, а зъл человек ни бога боиться, ни человек ся стыдить; беси бо кръста ся боять господня, а зъл человек ни кръста ся боить». Такие размышления вели к попыткам в самой жизни, а не за ее пределами, искать объяснения происходящих событий, всматриваться во внутренний мир людей, участвующих в них, давать им свои оценки, внушать мысль, что не один «сотона», а и сами люди бывают виновниками междоусобий, распрей, насилий и преступлений, от которых может «погибнуть Русьская земля», и не одна «божья воля», но и мужество и мудрость человека помогут защитить родину от врагов и «устроить» ее.

Так в господствующем идеалистическом мировоззрении начинают проявляться черты реалистического типа исторического мышления, которые находят свое отражение и в самом способе изображения фактов реальной жизни.¹⁴ В историческом повествовании рядом с рассказами,

¹⁴ Б. И. Бурсов в статье «О национальном своеобразии и мировом значении русской классической литературы. (Статья вторая)» (стр. 20) предлагает усматривать в «реализме как типе художественного мышления» предшественника «реализма» как «метода раскрытия связей человека и окружающей его социально-исторической действительности». Шекспир и Сервантес, по мнению Б. И. Бурсова, «впервые в истории мирового искусства стали изображать реальный мир как не имеющий другого значения.